

УДК 811.161.1'373.6(091)
ББК Ш141.12-323+Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 10.02.20

С. Г. Шейдаева

Ижевск, Россия

ТАЙНЫ ПРОСТЫХ РУССКИХ СЛОВ (ЗАБОР, МОСТ, ПЛОТ)

Аннотация. Статья посвящена истории трех слов с конкретно-предметной семантикой. Все они связаны с трудовой деятельностью человека и родились в процессе профессиональной коммуникации говорящих. Это слова *забор*, *мост* и *плот*, которые имеют как много общего, так и специфического в истории русского языка. Эти слова в прошлом, во времена позднего русского средневековья (XVI–XVII вв.), объединяла соотнесенность с одной и той же сферой предметной деятельности — работой с деревом, древесиной. В собственно лингвистическом плане их связывает между собой принадлежность к одной и той же части речи, а в ее рамках — к категории имен, называющих продукт трудовой деятельности. И в их происхождении, и в использовании в памятниках письменности большую роль играли глаголы, соотнесенные по корневой морфеме, — *забирать*, *мостить*, *плести*. Семантическое развитие существительных *забор*, *мост* и *плот* также имеет немало общего. Постепенно формировались три словообразовательных гнезда и три лексико-семантические группы. Развивались отвлеченные значения, связавшие данные слова с категорией абстрактной лексики и включившие их в область русской концептуальной сферы (концепты защиты, связи и опоры).

Ключевые слова: история русского языка; лексикология русского языка; отглагольные имена; лексемы; производные слова; памятники письменности.

S. G. Sheidayeva

Izhevsk, Russia

THE MYSTERIES OF A COMMON RUSSIAN WORDS (FENCE, BRIDGE, RAFT)

Abstract. The article is devoted to the history of three words in Russian. They are all connected with labour and they appeared in professional communication between people. The words are *zabor* (fence), *most* (bridge) and *plot* (raft). These words have much in common, but they also have their specific features. In the past, in the middle ages in particular (XVI–XVII), they all referred to one and the same sphere of activity — the work with wood. From the point of view of linguistics, these words belong to one and the same part of speech — the noun; they name the result of activity. Verbs of the same root played a great role in the origin of these nouns (*zabirat'*, *mostit'*, *plesti*). Semantic development of the nouns *zabor* (fence), *most* (bridge) and *plot* (raft) has much in common. Three derivational nests were gradually formed. Their abstract meaning appeared and included these words in the group of abstract nouns with the meaning of protection, connection and foundation.

Keywords: history of the Russian language; lexicology of Russian; verbal nouns; lexeme; derived words; written records; ancient manuscript.

Самые простые русские слова на самом деле полны тайн. Они кажутся нам ясными и понятными, но, пройдя через толщу веков, несут в себе отголоски разных времен, сохраняя при этом во внутренней форме связь с первым своим значением. Это слова *крюк*, *клин*, *коса*, *клад*, *кусок*, *скоба*, *забор*, *сруб*, *застава*, *клич*, *мост*, *осада*, *окоп*, *плот*, *засов*, *ворота*, *ров*, *просека* и сотни других.

Из русского средневековья дошло до нас простое слово **забор**. Всем известно, что это — «ограда, преимущественно деревянная» [Лопатин 2000]. Но *ограда* — от глагола *оградить* «огородить», а как было образовано существительное *забор*? Нет глагола «заборить», но и *за бором*, то есть «за лесом», тоже не подходит для объяснения. В этимологическом словаре сказано, что слово *забор* фиксируется в памятниках письменности с XVI в. как собственно-русское [Шанский 1975]. А это означает, что в текстах XVI–XVII вв. должны сохраниться следы его производности. Е. С. Кубрякова, говоря о производном слове вообще, отмечает, что это «слово, деривационную историю которого можно непосредственно наблюдать (в дискурсе) или же восстановить в тексте» [Кубрякова 2001: 285].

Рассмотрим на материале памятников русской письменности XVI–XVII вв. [Памятники 1981; Памятники 1982; Памятники 1984] и «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Словарь 1975], каким было лек-

сическое окружение слов *забор*, *мост* и *плот* в истории русского языка (в ссылке на словарь далее при цитатах будем указывать только номер выпуска).

В данных источниках находим слово *забор* в разных сочетаниях с однокоренным глаголом: «*забор бревнами забрать*» (1665), «*городьба ...забирана ...забором*» (1671), «*заборы забрать тесом*» (1699) [Вып. 5: 137] и др. Подобные «тавтологические» сочетания (*делать дело*, *пахать пашию*, *драть дранку*, *кликать клич*, *вьюки навьючить*, *срубить сруб*, *окопать окоп*) весьма характерны для отглагольных имен того времени. Существительное, называющее процесс или результат действия, используется здесь, во-первых, при мотивировавшем его глаголе (словно ребенок на руках матери), а во-вторых, как эхо, частично повторяет звучание и значение этого глагола.

Можно ли предположить, что существительное *забор* было произведено от глагола *забирать* (*забрать*)? И да, и нет. Данный глагол, образованный от слова *брат*, имевшего очень широкую семантику, использовался в разных значениях, в том числе и в известных в современном русском языке лексических значениях «взять» и «захватить». Однако с ними слово *забор* никак не связано (или очень отдаленно). Во всех известных нам случаях сочетания «*забор забрать (чем)*» или «*забрать забором (что)*» используются в описаниях постройки какой-либо изгороди из досок, жердей или бревен. Это

тексты, отражающие трудовую деятельность человека. Значения многих слов в профессиональной коммуникации и в наши дни отличаются от значений, существующих в общенародном языке. Так, у плотников глагол *забирать* обозначал «особый способ сооружения деревянных стен, при котором доски, жерди или бревна кладутся или ставятся в паз» [Вып. 5: 137], то есть в выемки в столбах.

Рассмотрим более широкие контексты приведенных выше примеров: «*Меж сараинные столбы забор бревнами забрать плотно*», «*А городьба около двора забрана в столбах забором*», «*А носовой и кормовые заборы забрать тесом*». Во всех случаях перед нами что-то вроде инструкции или отчета об уже выполненных работах, описывающих определенный способ действия. Работник, знавший язык своей профессии, легко воспроизводил смысл термина: *забрать* (как, чем) — значит строить, «закладывая концы лежащих бревен (досок, жердей) в выдолбленные бока стоячих бревен, столбов» [Вып. 5: 137], то есть *забирать* (засовывать) в пазы. Это и называлось — строить «в забор» (1670) [Вып. 5: 137].

Можно предположить, что именно наречное сочетание «в забор» и могло дать начало использованию существительного *забор*, первоначально означавшего процесс, а не предмет. Практически сразу, как это обычно и происходит с отглагольными именами, появляется у него и собственно предметное значение «изгородь». Семантическая закономерность, которая здесь проявляется, — метонимический сдвиг значения (контекстное смещение функции): *забрать* бревнами > *забор* бревен в пазы > *забор* из бревен. Подобные отношения описаны, например, Д. Н. Шмелевым: упрячь, упрягать лошадь > во время упряжки > в одной упряжке [Шмелев 2003: 97].

Поскольку деревянные заборы были нужны повсеместно и строились из разных материалов, то в памятниках письменности этим словом могла быть обозначена и простая ограда из досок или бревен («двор великого князя огорожен забором», XVI в.), и стена (например, о сарае — «забор бревнами забрать плотно», 1665 г.), и даже переборка на судне («кормовые заборы забрать тесом», 1699 г.), а также специальное понятие «рыболовное сооружение из свай, забитых в дно реки, перегораживающее реку поперек» («Да на Нюхче ж реке забор рыбной, а в нем ловят с осени семгу и сига», 1563 г.) [Вып. 5: 137].

У существительного *забор* в предметном значении закономерно появились и производные с субъективно-оценочными суффиксами: «делал на улице *заборец*» (1587), «речка Каменка, а в ней *заборишко*» (1691) [Вып. 5: 137]. Вокруг исходного глагола *забрать* формируется целое словообразовательное гнездо, включающее не только слова со значением способа действия, процесса и результата действия, но также имена прилагательные и названия деятеля, например: «купил полтораста бревешек *заборных*» (1553), «двери *заборочные*» (XVII в.) — название дано по способу, каким они были изготовлены, «взято десятые рыбы у Алексея *заборщика*» (1659) — то есть у старшего на промысле при ловле рыбы «забором». Отметим также факт употребления в XVII в. глагола *озаборить*, образованного от существитель-

ного *забор* при помощи конфикса *о...ить*, в значении «огородить забором»: «гумно покрыто драньем, кругом *озаборено*» (1663) [Вып. 12: 306].

Как известно, «слова являются средством организации опыта, чтобы сделать его доступным для осмысления» [Залевская 1999: 136]. Так и в процессе сооружения мастерами заборов постепенно складывались обозначения для всех этапов этого незамысловатого труда: что сделать — *забрать* (в пазы), как сделать — *в забор*, из чего сделать — из *заборных* бревен, что сделать — *забор* и т. д. Таким образом, в производном слове *забор* были отражены профессиональные знания тех, кто строил такие сооружения, можно сказать, что это **номинация от «делателя»**.

Если же обратиться к другим названиям забора, которых немало, — *ограда*, *изгородь*, *загородка*, *ограждение*, *перегородка*, *городьба*, *плетень* и др. — то заметим, что, пожалуй, только последнее фиксирует информацию о способе изготовления: *плетень* — это «плетеная изгородь» [Ушаков 1935]. Например: «двор оплетен плетнем» (1511) [Вып. 13: 22], «плетнем заплетено» (1650) [Вып. 15: 90]. Все остальные слова — это **наименования «от пользователя»**, для которого главное не то, как предмет сделан, а его функция. Слова *городьба*, *ограда*, *изгородь*, *загородка*, *перегородка* и др. связаны с представлением о защищенном, огороженном и отгороженном месте. «Различия в номинациях...объясняются изменением взгляда именуемого субъекта на именуемый объект», а «активность субъекта проявляется прежде всего в отборе тех черт объекта или объектов, которые он кладет в основу классификации. В языковом коллективе отбор признаков объектов носит общественный характер» [Гак 1998: 43, 229].

Городьба, *городь* «изгородь, ограда» < *городити* «огораживать», например: «городба в поле и во дворе, и в огороде» (XVI в.) [Вып. 4], «а около двора и огорода кругом городба в заборех» (1654) [Памятники 1984: 246]. У слова *городьба* также имелось значение «действие по глаголу», как и у слова *забор*, но, в отличие от последнего, фиксировалось еще и значение «огороженный участок земли». Известно, что и слово *город* имело в прошлом такие значения, как «то, чем огораживают», «огороженное место», «отделенная часть чего-либо» [Бабаева 1997: 38].

Изгородь (*изгорода*) < *изгородить* «перегораживать» [Вып. 6]. Например: «а под елью яма по изгороду» [Памятники 1984: 233].

Ограда «ограда, стена, изгородь» < *оградити* «обнести изгородью, огородить или отгородить». Например: «кругом монастыря ограда, тын стоячей дубовой» (1615) [Вып. 12: 255]. *Огород*, *огородь*, *огорода* «ограда, изгородь, забор» < *огородити* «обнести изгородью, огородить», например: «огороды поставить новые и держать крепки» (1648), «огороду починивал» (1674) [Вып. 12: 250–251]. У всех этих наименований (*ограда*, *огород*, *огорода*) также развилось значение места — «огороженный участок земли». В. В. Колесов, говоря о развитии мыслительной деятельности средневекового человека, отмечает, что метонимия (именование по смежности) «распространяет уже известное на все новые и но-

вые объекты, не увеличивая при этом суммы знания о них» [Колесов 2004: 43].

Тот, кто работает в ограде, — *оградник* «садовник, огородник». Можно отметить еще такие существительные, как *огражение, ограждение* «ограда, изгородь» < *огражати, ограждать* «ограждать от чего-л. плохого, защищать».

Загород, загорода «ограда» < *загородити* «отгородить, отделить загородкой», «обнести изгородью, оградой». Например: «а мирской скот тогда без загороды на том месте ходит» (1691) [Вып. 5: 173]. Слова *загород* и *загородка* также использовались в значении «огороженное место».

Связи (парадигматические отношения) между единицами словообразовательного гнезда хорошо просматриваются в одних и тех же контекстах (или на уровне синтагматики), например: «То место из *огорода* вон *выгораживают* и припушают к поскотине своей, которую ныне *загородили* вновь без указу дети боярские, а мирской скот тогда без *загороды* на том месте ходит» (1691) [Вып. 5: 173]. «А промежи сел и деревень *городити изгороды* по половинам; а чьею *огородою* учинится протрава, ино тому платити, чья *огорода*» (1497) [Вып. 4: 91]. «*Городили* около пол *огороды* и давали от *гороженья* двенадцеть алтнь две денги» (1621) [Вып. 4: 95]. Только в этих трех фрагментах использованы такие члены данной словообразовательной парадигмы, как *городить, гороженье, огорода, изгородь, загородить, загорода*. В сознании носителя русского языка того времени каждое из этих слов невидимыми нитями было связано с десятками других единиц, не представленных в данных отрывках, но соотносительных с ними по форме и/или содержанию.

Это связи и по линии отглагольного образования приставочных глаголов (*городить > изгородить, огородить, обгородить, перегородить* и др.), и по линии отглагольного образования имен существительных (*городьба, огорода, изгородь* и др.), и образования имен прилагательных, названий лиц по действию и т. д. Это, прежде всего, формально-языковые связи слов. Но за языковыми формами скрыты языковые значения, а именно — обозначение разновидностей базового действия, обозначение процесса и результата (продукта труда, предмета), обозначение признака, связанного со всей этой сферой, обозначения деятелей по их видам деятельности в данной сфере.

Появление и широкое развитие отвлеченных значений у слов данного словообразовательного гнезда связано, во-первых, с присутствием в нем книжных форм с неполногласным (*градити, ограда* и др.), которые уже в древних текстах выражали абстрактные значения. Во-вторых, сами **пространственные образы и понятия**, связанные с действием по ограждению какого-либо фрагмента земной поверхности, — это, как известно, одна из базовых, исходных сфер-источников для образования отвлеченных значений в любом языке (семантическая универсалия). Существительное *забор*, в связи со своей рано угасшей внутренней формой и однозначным прочтением образа забора как простой преграды, дает меньше таких возможностей, чем слова

словообразовательного гнезда «(о)городить». Приведем примеры некоторых отвлеченных значений, развившихся на базе слов с конкретной семантикой в истории русского языка: *загородить* «запретить», *огородиться* «окружить себя чем-л. с целью защиты», *ограда* «защита от чего-либо», *оградити* «оградить от чего-либо плохого, защитить» (в том числе осеняя крестом), *ограждение* «защита» и др. [Словарь 1975].

В. А. Гречко пишет: «Значение слова на первых порах весьма зависимо от представления, заложенного в слове, его признака. Однако на всех этапах развития значения оно никогда не равно этому признаку уже потому, что значение отражает предмет, обладающий множеством признаков. Убывание воздействия признака на значение прямо зависит от развития в слове абстракции, обобщения. Обобщение же растет по мере приложения слова все к новым и новым предметам» [Гречко 1998: 118].

Существительное **мост** также использовалось в сочетании со своим однокоренным глаголом — «*мост мостить*». Хотя отношения у этих двух последних слов, возможно, были прямо противоположными по сравнению с членами пары «*забрать забор(ом)*», где производящим являлся глагол. Общеславянское по своему происхождению существительное *мост* старше отглагольного собственно-русского слова *забор*. Его происхождение некоторые ученые связывают с глаголом *метать*, и тогда *мост* — буквально «перекинутое, переброшенное через что-то» [Шанский 1975]. Однако высказываются и сомнения относительно такой этимологии [Фасмер 2009].

Рассмотрим некоторые примеры из памятников письменности с сочетаниями глагола *мостить* (и его производных *помостить, намостить, замостить*) и существительного *мост*: «аще помостивше мость, взятии от дела ногата» (XI в.) [Вып. 4: 92], «требите путь и мостите мост» (1380) [Вып. 9: 274], «мост мостят псковичи» (1587) [Вып. 9: 274], мост намостиша через Пскову реку [Вып. 9: 273], «На белом дворе перед лавками мост мостили» (1670) [Вып. 9: 274], «де помощен мост новой от мелничного онбара до винокурни а старай мост снесла полая вода» (1646) [Памятники 1982: 79], «мост замостить для проезду по нужи» (1636) [Вып. 5: 244].

Обращает на себя внимание то, что если в примерах до XVI в. глагол стоит в препозиции по отношению к прямому дополнению — слову *мост*, то в более поздних нередко видим обратную последовательность. По-видимому, на первый план выдвигается понятие о самом сооружении, а не о его создании.

В далеком прошлом *мостом* называли и «сооружение для перехода через реку, овраг, ров и др. препятствия или для выхода на берег (XI в., XV в.), и «настил на болотистых местах, гать», и «вымощенную дорогу, мостовую» (XII в.), и «пол, помост, настил или перекрытие в постройке», и «крыльцо; большие сени», и даже «корабельную палубу [Вып. 9: 273]. Уже само наличие множества разных значений у этого слова может свидетельствовать о его древности. А что означал глагол *мостить*?

Мостити — значит «строить, настилать мост», «делать гать, настил на болотистом месте», «делать

мостовую, мостки», «делать пол, настил, перекрытие в постройке» [Вып. 9: 274]. Обратим внимание на то, что семантика этого глагола во всех случаях раскрывается через конструкцию «делать что», в то время как глагол *забирать* в контекстах той же эпохи толковался через схему «делать как». Общий и, по-видимому, изначальный смысл глагола *мостить* может быть описан как «настилать», «покрывать твердым материалом (хворостом, бревнами) непроходимое место, обеспечивая проход по нему».

Значение, связанное с изготовлением простого настила (например, пола в доме), появилось, скорее всего, в результате расширения глагольной семантики. Наличие в памятниках слов *недомост* в значении «недомощенное место» (1599) и *недомосток*, например: «в грязных местех в недомостках помостити» (1604) [Вып. 11: 87], свидетельствует также об использовании глагола *недомостить* в значении «не закончить строительство моста».

В памятниках русской письменности XVI–XVII вв. имеется целая группа префиксальных производных от глагола *мостить*: *помостить*, *намостить*, *замостить*, *перемостить* и др. Каждый из них отражает одну из трудовых операций, связанной с мощением чего-либо. Рассмотрим эти глаголы, а также образованные от них имена.

Помостити — «сделать пол, настил, какое-л. покрытие; замостить» (XII в.), «построить, возвести что-л.» [Вып. 17: 31]. Отсюда *помост* — «покрытие, настил», «настил внутри помещения, пол», а также «площадь», «перекрытие типа этажа, яруса, приподнятое над нижней поверхностью», «корабельная палуба», мост, арочное сооружение [Вып. 17]. Действие по глаголу *помостити* называлось *помостка* (например, «помостка моста»).

Намостить — «замостить», «устроить, построить, настелить (мост, помост, настил, пол и т. д.)», например: «намостиша мост» (1534), «в чулан намостиша пол» (1679) [Вып. 10: 154]. Переносно: «и реки намостишася черемисскими костми» (XVI в.) [Вып. 10: 154].

Замостити — «сделать мост», например: «и вели ...прямую дорогу пронять через мхи и болота ...и мост замостить ...для проезду по нужи» (1636) [Вып. 5: 244].

Перемостити — «сделать мост через реку», «переделать настил, намостить заново», например: «перемостил мост... в поваренной избе» (1679) [Вып. 14: 266].

В этих однокоренных глаголах отражена разноаспектность самого процесса «мощения» (возведения или настилки моста): *мостить* — «строить, настилать» (делать мост), *помостить*, *замостить*, *намостить* — «построить, устроить или настелить мост, помост, настил», *перемостить* — «переделать настил, намостить заново». Чем мостили? В основном, досками, тесом, бревнами, камнями, например: «мощена же есть досками мраморяными красно» (XII в.) [Вып. 9: 274], «с мостом дубовым» (1646) [Памятники 1982: 242], «4 мосты мощены бревнами» (1666) [Вып. 9: 274], «Свезли... на грязи мостить 12 дерев теса» (1679) [Вып. 9: 274], «На Каменном мосту» (1770) [Памятники 1981: 22].

В данное словообразовательное гнездо входили также и языковые единицы с пространственными значениями: *замостье*, *замостовье* — «местность, находящаяся за мостом» [Вып. 5]; *подмостье(ие)* — «место под мостом»; *подмосты*, *подмостки* — «настил из досок на высоких опорах», *подмость* — «подвал, подклет» [Вып. 15]; *примостье* — например, «да изба сосновая с примостьем... онбар на дворе с мостом» (1546) [Памятники 1978: 32]. А также названия деятелей: *мостник*, *мостовик*, *мостовник*, *мостовицик* — «лицо, ведавшее устройством и починкой мостов, мостовых или гатей» [Словарь 1975]. Названия признаков (прилагательные): *мостный*, *мостовая*, *мостовный*, *мостовое*, *мостовой* (мостовой лес — «доски»). Субъективно-оценочные образования: *мосток*, *мосточек*, *мосцы*, *мостишко*, *мостище*, *мостки* [Вып. 9: 274] и др.

Мостовой поначалу называлась улица, «высланная круглыми бревнами» [Фасмер 2009]. Затем это прилагательное субстантивировалось и закрепилось в русском языке в метонимическом значении «проезжая часть улицы». Примеры из памятников письменности: «мостовые улицы мостят, не вынимая прежних подкладов и не вычищая грязи» (1700) [Вып. 12: 103], «неотступно приходят чтоб я *мостовую* против вашего двора *мостил*... не имея денег на покупку камня» (1772) [Памятники 1981: 59].

Переходя к рассмотрению истории слова *плот*, заметим, что **и мост, и забор в русском языке XVI–XVII вв. могли быть названы плотом**. Для современного человека это может показаться странным, ведь плот, как всем известно, — это средство передвижения по воде. А представления о мосте и заборе (и их «когнитивные схемы», которые «структурируют наш непосредственный опыт» [Залевская 1999: 113]) в русском языковом сознании отражают нечто горизонтальное, лежащее (мост) и нечто вертикальное, стоящее (забор).

В этимологическом словаре общеславянское по своему происхождению слово *плот* поясняется, в частности, через слова «*плетень*, *забор*, *стена*» и возводится к глаголу *плести*: *плот* (как и *плетень*) — это нечто «сплетённое» [Шанский 1975]. В словаре русского языка XI–XVII вв. у слова *плот* на первом месте также указано значение «ограда, плетень; забор», на втором — «плот; паром», а третье значение — «помост, настил на чем-л. из бревен или досок», «настил через реку, мостки [Вып. 15: 100–101]. Итак, слово *плот* толкуется то как «забор», то как «настил» (мост).

Что общего у *забора*, *моста* и *плота*? Судя по историческим контекстам, их близость связана с самими реалиями: названные этими словами сооружения строились плотниками, делались из одних и тех же материалов («забор бревнами забрать»), «мосты мощены бревнами», «вывезти... на вязку тех плотов бревна»). И в принципе, любой *пол* (*мост*), поставленный вертикально, мог, по-видимому, служить *оградой* (*забором*) и наоборот, упавший *забор* сразу превращался в *настил* (то есть мост); а *помост* мог быть спущен частично или полностью на воду и стать *плотом*.

Рассмотрим некоторые факты использования слова *плот* в памятниках русской письменности. *Плот* как «ограда, плетень»: «Изяслав потъче к плоту, где бяху пеши вышли из города, твердь учинившее плотом; он же въгнав за плот к воротом городным, изломи копье» (Лавр. лет.) [Вып. 15: 100]. *Плот* как «помост, настил на чем-либо из бревен или досок»: «через реку построены плоты брусяные» (1686) [Вып. 15: 101]. *Плот* в значении «плот; паром»: «послем те плоты по морю» (1499), «перевозятся ратные люди за Днепр на плотех» (1633) [Вып. 15: 100].

Отметим, что в старинных контекстах *плот* (в значении «плот; паром») называется иногда также и словом *ведь* от глагола *вести*. К тому же понятийному ряду относится слово *ведила* — «окаймление из связанных бревен для сплава несскрепленного леса» (1699) [Вып. 2].

Плот, даже если его название и было образовано от глагола *плести*, но все же в результате лингвистических (перегласовка е/о) и внелингвистических причин (плоты стали делать из *бревен*, которые *плести* вряд ли возможно) в русском языке XVI–XVII вв., скорее всего, уже не осознавался как продукт *плетения*. Хотя сочетания «*вязать (связывать) бревна в плот*», «*вязка плотов*» были вполне употребляемыми, например: «Велеть к тем плотам работным людям изготовить и на пристань вывести на оплотины и на вязку тех плотов бревна и всякие припасы и веревки и всякие канаты и лодки» (1701) [Вып. 3: статья «Вязка»]. В энциклопедии XIX в. читаем: «Плот — связанные вместе бревна, сплавливаемые по течению реки. Строевой лес соединяется в плот продольными, поперечными и диагональными жердями, прикрепленными к бревнам вицами, то есть скрученными ивовыми, а иногда и еловыми прутьями. Для большей связи употребляются железные скобы и снасти. Смотря по глубине реки, плоты составляются из одного или нескольких рядов бревен. Для удобства сплава, плоты счаливаются вдоль канатами» [Плот 1898: 923].

Глагол *вязати* означал и буквальное «обвивание» веревками для скрепления, соединения чего-либо, например, «*мочалами вязать мешки*» (1643) [Вып. 3], и также имел специальное (плотничье) значение «соединять, скреплять деревянные части строения под каким-либо углом друг к другу», «сделать трой двери; и *железом*, где доведетца, переходы *вязать*» (1682) [Вып. 3]. В связи с этим и слова, называющие то, чем связывают (*вязь, вязало*), обозначали не только веревки и т. п. средства, но также, например, железные и деревянные скрепы. Надо сказать, что глагол *вязать* вообще положил начало многим отвлеченным наименованиям, связанным (именно «*связанным*!») с представлением о соединении (*связь, связка, узы, обязательство, привязанность* и мн. др.).

Производящий (по версии этимологов) для существительного *плот* глагол *плести* также обозначал действие, близкое понятию вязания. *Плести* — означало «перевивать и соединять однородные части в целое», например: «плетнем заплетено» (1650), «конюшня плетеная» (1588) [Вып. 15: 90]. По-

видимому, плоты поначалу делались из материалов, которые можно было перевивать между собой. В текстах XI в. и более поздних *плотом* называют, в частности, плетень, забор, то есть сооружения, сделанные, скорее всего, не из бревен или досок, а из более гибких материалов [Вып. 15: 100]. Ю. В. Откупщиков в своей книге «К истокам слова», ссылаясь на немецкого языковеда Р. Мерингера, говорит о том, что одним из наиболее распространенных типов стены у многих народов был *плетень* (к *плести*), что подтверждается древнерусскими словами *плеть, плетина, плоть «ограда», оплот «ограда, стена, забор»* [Откупщиков 1973: 108].

Однако в контекстах «плотостроения» слово *плот* стало функционировать в едином лексико-семантическом поле со словами *плотный, плотовой, плотно, плотить (плотать), плотичный, плотильщик, плотарь, плотбище «верфь»* и др. В связи с вхождением в данную парадигму, связанную с понятием «сплочения, плотного соединения», существительное *плот* практически вышло из породившего его семантического ряда «плетения, перевивания».

Глагол *плотити* был образован, скорее всего, от существительного *плот*, а не наоборот. *Плотити, плотати* — значит «создавать, связывать плоты», например: «кладут их хрестьяне дрова на реке на своемъ берегу да плотять деи плоты по своимъ берегомъ» (1507), «и где бы мочно плоты плотать с великимъ поспешением» (1701) [Вып. 15]; «плот сплотити» (1634) [Вып. 15: 104]. Здесь наблюдаются те же системные отношения, что и у существительного *мост*: *мосты мостити / плоты плотити*. Словообразовательные значения этих глаголов, скорее всего, вторичны по отношению к именам (парадигматические связи единиц), а сами глаголы находятся чаще всего в постпозиции.

Прилагательное *плотичный* означало «способ настилки досок, характеризующийся плотным подгоном, отсутствием зазоров», *плотный* — «относящийся к плотничеству, деревянному строительству», *плотный мастер, плотник* [Словарь 1975], *плотовой* имеющий отношение к плотам, например, в сочетании *плотовое дело*, которое пересекалось с более широким понятием *плотничье дело* — одним из самых распространенных в России ремесел. Оно предполагало соединение бревен, брусев или досок для образования целого предмета или строения, при этом использовались разные способы *вязки* дерева [Шейдаева 2016].

Войдя в лексико-семантическую парадигму «плавучих средств», внутренняя форма слова *плот* не могла не измениться: образ, стоящий за ним, стал иным. На семантику слова *плот* стало оказывать влияние разраставшееся словообразовательное гнездо, его рост был обусловлен более активной деятельностью людей в этой сфере, чем, например, при постройке заборов.

В той сфере деятельности, где плотовые мастера «плотили плоты», также использовался ряд приставочных глаголов и отглагольных имен, как в среде тех, кто «мостил мосты», например: *оплотити > оплотина* «наружное крепление из бревен, соединяющее сплавной лес в плот» [Вып. 5].

Итак, у трех, казалось бы, совершенно разных слов *забор*, *мост*, *плот*, немало общего в истории их образования и функционирования в русском языке в прошлом. «Отобразив определенным образом те или иные «отрезки действительности», слова, естественно, связаны между собой, как взаимосвязаны и отображаемые ими явления самой действительности» [Шмелев 1964: 130]. «У слов одного и того же тематического класса удается обнаружить ряд общих свойств — сочетаемость, деривационный потенциал, общие модели регулярной многозначности» — пишет Р. И. Розина [Розина 2005: 44].

Отличаются же данные номинативные единицы своей внутренней формой. У слова *забор* она изначально была связана с представлением о способе постройки данного сооружения, но с течением времени в общенародном языке слово практически потеряло свою исходную мотивированность, в связи с тем, что исходный глагол *забрать* в соответствующем значении использовался только в профессиональной среде, и стало соотноситься (как любой немотивированный знак) непосредственно с образом объекта номинации. Цепочка связей: *забрать* (в пазы) > *забор* (действие, процесс) > *забор* (результат действия, предмет) ушла в прошлое.

Внутренняя форма общеславянского слова *мост* в русском языке уже изначально, по видимому, была стертой. Но образованный от него глагол *мостить* со своими ясными значениями «делать настил, мост» мог (в результате эффекта «обратной словообразовательной мотивированности») делать более ясным и значение самого существительного *мост* как «того, что настилали или возводили» — *мостили мост*. Слово *плот* также деэтимологизировалось в современном русском языке.

За этими тремя простыми словами — сложная и наполненная тяжелым физическим трудом жизнь наших предков. Чтобы сделать забор, плот или мост, нужно было *сечь* лес, изготавливать жерди, доски или бревна, затем при помощи разных приемов (забрав в пазы, связав и т. д.) соединять их в единое целое. Во всех трех случаях это работа с деревом, древесиной, то есть работа плотника. Не случайно, что в какой-то момент и в реальности, и в языке все три слова оказываются взаимозаменяемыми и предметы, ими обозначенные, временами приобретают одинаковую функцию. «Язык — важнейший элемент культуры народа, он обслуживает различные аспекты деятельности, в языке формируются основные понятия данной эпохи, с помощью языка развиваются новые формы мышления, накопления информации и ее сохранения» — пишет В. В. Колесов [Колесов 2004: 135].

В то же время три разные лексические парадигмы, в которые входят слова *забор*, *плот* и *мост* вместе с семантически связанными с ними номинациями, выросли к нашему времени в лексико-семантические поля, отражающие концептуальные области «защиты» (забор, ограда, оградить), «связи» (мост, телемост, мосты дружбы), «опоры» (плот, оплот). В когнитивной лингвистике высказывается гипотеза о том, что **исходное значение слова** «как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности

предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель)» **для осмысления других типов ситуаций**, подводимых под эту схему [Кустова 2001].

Опрос современных носителей русского языка показывает, что образ самих этих сооружений прямо связан с накопленным жизненным опытом человека. Например, *забор* для сельского жителя, мужчины (Удмуртия) — это, прежде всего, деревянный забор вокруг огорода, из досок или жердей, которые, как он пояснил, «привязаны к столбам проволокой или прибиты гвоздями». Для горожанки из Красноярска (бывшей сельской жительницы Удмуртии) в памяти «всплыл» образ из детства — забор «из прясел, из жердей». Для жительницы Ижевска — это забор на огородном (дачном) участке, «оббитый плющом».

Слово *мост* для этих трех носителей современного русского языка также различается стоящими за ним образами: для женщины из села — это «мостик в два бревна через небольшую речку»; для красноярской жительницы, бывшей провинциалки, — деревянный мост через речку «на одну машину»; для ижевчанки, жившей в юности в Санкт-Петербурге, — это образ очень высокого, легкого, каменного моста, покрытого асфальтом.

Самые обычные русские слова на самом деле совсем необычны. Каждое из них способно приоткрыть для нас завесу времени, увести тропами языка в историю народа, вернуть нас к родной культуре. «Слово — не просто знак, это целый мир» [Колесов 2004: 15].

ЛИТЕРАТУРА

- Бабаева У. Э., Журавлев А. Ф., Макеева И. И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 34–45.
- Гак В. Г. Языковые преобразования. — М., 1998.
- Гречко В. А. Теория языкознания. Часть II: учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1998.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М., 1999.
- Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004.
- Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 283–293.
- Кустова Г. И. Неметафорические когнитивные модели в семантической деривации // Обработка текста и когнитивные технологии. — Казань, 2001.
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. — М.: Русский язык, 2000.
- Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1973.
- Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1984.
- Памятники московской деловой письменности XVIII в. / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1981.
- Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1978.
- Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1982.
- Плот // Энциклопедический словарь / издатель Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1898. — Т. 46. — С. 923.

Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. — М., 2005.

Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1975–1991. — Вып. 1–17.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. — М., 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. — М.: АСТ: Астрель, 2009.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1975.

Шейдаева С. Г. Когнитивные основания русских профессиональных фамилий (лексика деревообработки) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2016 — Т. 25. — Вып. 2. — С. 88–100.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М.: Просвещение, 1964.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие. — М.: Едиториал УРСС, 2003.

REFERENCES

Babaeva U. E., Zhuravlev A. F., Makeeva I. I. O proekte «Istoricheskogo slovarya sovremennogo russkogo yazyka» // Voprosy yazykoznanija. — 1997. — № 2. — S. 34–45.

Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya. — M., 1998.

Grechko V. A. Teoriya yazykoznanija. Chast' II: uchebnoe posobie. — Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 1998.

Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvistiku. — M., 1999.

Kolesov V. V. Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov. — SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004.

Kubryakova E. S. O svyazyakh kognitivnoy nauki s semiotikoy (opredelenie interpretantnykh znakov) // Yazyk i kul'tura: Fakty i tsennosti: K 70-letiyu Yu. S. Stepanova. — M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. — S. 283–293.

Kustova G. I. Nemetaforicheskie kognitivnye modeli v semanticheskoy derivatsii // Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii. — Kazan', 2001.

Lopatin V. V., Lopatina L. E. Russkiy tolkovyy slovar'. — M.: Russkiy yazyk, 2000.

Otkupshchikov Yu. V. K istokam slova. Rasskazy o nauke etimologii. Kniga dlya uchashchikhsya. — M.: Prosveshchenie, 1973.

Pamyatniki delovoy pis'mennosti XVII v. Vladimirskiy kray / pod red. S. I. Kotkova. — M.: Nauka, 1984.

Pamyatniki moskovskoy delovoy pis'mennosti XVIII v. / pod red. S. I. Kotkova. — M.: Nauka, 1981.

Pamyatniki russkoy pis'mennosti XV–XVI vv. Ryazanskiy kray / pod red. S. I. Kotkova. — M.: Nauka, 1978.

Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Tamozhennye knigi / pod red. S. I. Kotkova. — M.: Nauka, 1982.

Plot // Entsiklopedicheskiy slovar' / izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron. — SPb., 1898. — T. 46. — S. 923.

Rozina R. I. Semanticheskoe razvitie slova v russkom literaturnom yazyke i sovremennom slenge. — M., 2005.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. — M., 1975–1991. — Vyp. 1–17.

Ushakov D. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. — M., 1935–1940.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. Т. 1. — М.: АСТ: Астрель, 2009.

Shanskiy N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. Kраткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1975.

Sheydaeva S. G. Kognitivnye osnovaniya russkikh professional'nykh familiy (leksika derevoobrabotki) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. — 2016 — Т. 25. — Vyp. 2. — С. 88–100.

Shmelev D. N. Oчерки по семасиологии русского языка. — М.: Просвещение, 1964.

Shmelev D. N. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika: uchebnoe posobie. — М.: Editorial URSS, 2003.

Данные об авторе

Светлана Григорьевна Шейдаева — доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

E-mail: Sheidaeva@mail.ru.

About the author

Svetlana Grigorievna Sheidayeva — Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk).